

2 Десять лет спустя

«Я был на первых «Театральных опытах» в 1988 году и вот сейчас — спустя 10 лет — приехал на юбилейный фестиваль. Первый был больше похож на встречу друзей «Манекена» — Все проходило очень торжественно — а спектакли были связаны с традициями (в лучшем смысле этого слова) отечественного любительского театра 60-70-х гг. На сегодняшнем фестивале нет традиционных в этом смысле спектаклей. И этим он больше соответствует своему названию»

Характерное явление для любого фестиваля — в том числе и «Театральных опытов-98» — многие его участники хорошо знакомы между собой. Есть некое бродячее театральное братство — и на каждом фестивале обязательно есть группа людей, которые постоянно встречаются то здесь — то там. Например, «Моцарта и Сальери» театра из Скопина я смотрел уже в третий раз — спектакль живет не один год. И каждый раз я смотрю новый спектакль — растет мальчик, играющий Моцарта, при этом появляются новые нюансы и акценты»

Алексей ШУЛЬПИН
(г. Москва)

**Ромео — три,
Джульетта — четыре...
И если**

**«Истина в вине»,
То режиссеру
в этом мире
Пора сочувствовать
вполне,
Поскольку принял
он вдвойне.**

Главный драматург
Вильям Шекспир
Постановка
Юрий Бобков
Режиссер по пластике
Виктор Панферов
Художник
Сергей Александров

Фото
**В.Ваганова,
С.Феготова**

Первое — что поражает в спектакле — итальянские фразы на устах персонажей. Шекспир — никогда не покидавший Англии — естественно превратил «синьор» в «леди» и заставил жителей Вероны говорить друг другу «сэр». Но в «Манекене» прежде всего решили вернуть истории о двух влюбленных итальянцах ее родной язык — и тем внесли довольно неожиданный эффект в давно — казалось бы — знакомый текст.

Впрочем, на смену первому впечатлению вскоре приходит и более глубокое от ощущения стиля спектакля — выстроенного на странном сочетании реалий военного времени и призраков роскошного карнавала Возрождения. Здесь скрипит под ногами черный пластмассовый песок (пепел?) развеваются полы черных пальто шинельного покроя, горит костер, замкнутый в кольцо автомобильной покрышки, а рядом — легкие красные плащи, посеребренные и позолоченные маски, белые гвоздики и мерцающие свечи. Все это пронизывает боли ностальгическая музыка струнного ансамбля, в которой слышатся бессмертные битловские темы, крики потерянного дельфина — неземной вокал Саинхо Намчилак и потусторонние барабаны В. Тарасова и М. Пекарского.

Этот стиль удивительно попадает в точку — в то болезненное место в наших душах, которое может быть и объединяет сегодня людей. Любовь становится поступком — именно она — как созидательное начало — противостоит распаду. И только Смерть может прервать борьбу Любви за жизнь.

Конечно, «Ромео и Джульетта» — спектакль очень режиссерский — в нем чувствуется и рука мастера сценического движения Виктора Панферова, и гигантская работа художника Сергея Александрова — но что касается главных героев — то их воплощение оказывается совершенно особенным. В интервью теле- и радиожурналистам постановщик спектакля Юрий Бобков не-

однократно упоминал о том, что распределения ролей Ромео и Джульетты не было — исполнители сами пробовали воплотить эти образы, справиться с задачей достаточно сложной и тем не менее являющейся мечтой любого актера. В результате герои как бы разделяются на разные ипостаси — каждая из которых существует самостоятельно — например, когда Д. Чуфистов и И. Патрикеева играют объяснение романтической — по-шекспировски жизнелюбивой пары — рядом, в черных пальто, словно сошедшие с рекламы. Г. Кувшинова и Г. Акимов играют пару более сдержанную и более трагичную — но в самых пронзительных одного исполнителя — и надо сказать — звучит так, что слезы дождя обрушиваются на сцену в финале (еще одна блистательная находка С. Александрова) — кажутся зрителю вполне закономерным итогом того эмоционального напряжения, которое только что царило на сцене.

Андрей ВАГАНОВ

Заведующий кафедрой актерского мастерства Щукинского училища Альберт Григорьевич БУРОВ:

— Мне кажется, что «Ромео и Джульетта» — это лучшая за последние годы работа «Манекена». Мне дорого в ней бережное, взволнованное, серьезное и нежное отношение театра к пьесе, к великой поэме В. Шекспира. Это очень важно в наши дни, потому что сейчас в театре — как и в окружающей его действительности — слишком много безнаказанности. Мы очень сильно засорили, замусорили эфир ахиной насильем и безмозглостью, чудовищной мутью триллеров и сериалов, и «Ромео и Джульетта» — как глоток хорошего воздуха в «Манекене». Принципиален сам факт обращения к этой пьесе. Приятно было видеть полный зал, который замечательно слушал пьесу. Поразительная тишина стоит на спектакле. Внимательное и благоговейное отношение актеров к Трагедии Любви как бы передается зрителю. Это прекрасно — ради этого — театр.

ШЕКСПИР Вильям (Shakespeare или Shakespere — как он сам подписывался) — величайший драматург христианского периода жизни человечества. Биографические сведения о нем далеко не соответствуют той безграничной славе, которую окружено его имя.

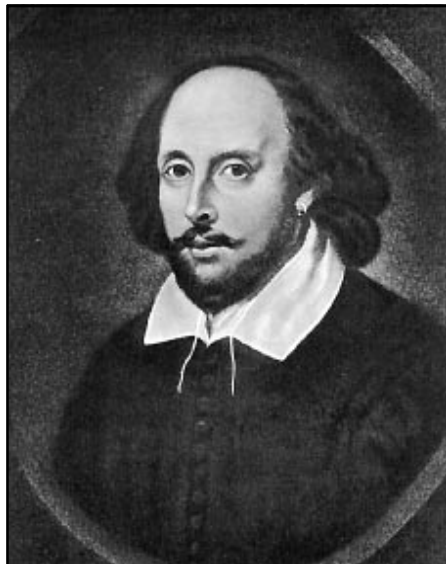
Знание женщин Ш. приобрел в эпоху лондонской жизни, когда он вращался в самых различных слоях общества.

Драгоценная жемчужина первого периода Ш. «Песнь песней» новой европейской литературы — «Ромео и Джульетта», дальше которой не может идти апофеоз любви. Ничего не значит, что налетевший страсти ураган сокрушил молодых любовников у самого преддверия их еле обозначившейся жизни, ничего не значит, что, говоря заключительными словами трагедии, «рассказа нет печальней и грустней». Это все-таки песнь торжествующей любви, и страстный юноша в том возрасте, когда объятия любимой женщины представляются высшим благом жизни, всегда с энтузиазмом ска-

жет, что для дня такой любви и жизни не жаль.

«Сама любовь диктовала Вольтеру его «Заиру» — говорит один учивый критик довольно любезно. Вернее было бы сказать галантность. Я знаю только одну трагедию, которую внушила любовь, это «Ромео и Джульетта» Шекспира»

В.-Э. ЛЕССИНГ. «Гамбургская драматургия» (письмо XV)

жет, что для дня такой любви и жизни не жаль.

Собственные имена героев трагедии вот уже три века продолжают быть нарицательным обозначением высшей поэзии страсти.

Ф.А. БРОКГАУЗ и И.А. ЭФРОН
Энциклопедический словарь Т.77., с.396. СПб. 1908 г.

«Драматург с университетским образованием Р. Грин с неодобрением отнесся к появлению нового автора, которого он иронически назвал «потрясателем сцены». Источником средств существования Ш. были его актерская работа и доходы с его пая в труппе, так как писание пьес оплачивалось крайне низко»

М.М. МОРОЗОВ, А.А. СМИРНОВ
БСЭ II-е издание, Т.47. С.641

«Истинный пантеист, брат Лоренцо занимает место на прямой линии развития, идущей от Франциса Ассизского к Джордано Бруно, сожженному за свободумыслие на костре. Лоренцо — олицетворение мудрости, естественности и доброты. За добро, которое он творит, он не получает — да и не ищет — даже слова благодарности. Он сочувствует любящим, заботится о них, помогает им как может, а когда все его усилия оказываются бесполезными — он оплакивает их с глубокой любовью»

А. СМОРНОВ
Послесловие к «Ромео и Джульетте»

«В ней отразилась Италия, современная поэту, с ее роскошным языком, исполненным блеска и concetti. Так понял Шекспир драматическую местность. После Джульетты, после Ромео, сил двух очаровательных созданий шекспировской грации, Меркутио, образец молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутио, есть замечательнейшее лицо из всей трагедии. Поэт избрал его в представители итальянцев, бывших модным народом Европы, французами XVI века»

А.С. ПУШКИН

«Шекспир превосходно изображает сущность денег»

К.МАРКС и Ф.ЭНГЕЛЬС
Об искусстве. 1938, стр. 67.

